

1

Салагин

Книга
о любви

Салават Вахитов

Салават Вахитов
Салагин. Книга о любви

«Издательские решения»

Вахитов С.

Салагин. Книга о любви / С. Вахитов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854591-7

В книге «Салагин» рассказывается о зарождении в душе подростка трепетного, светлого чувства, которое и позволяет жить настоящей жизнью. Конечно, сюжет не исчерпывается только этой темой. Однако всё остальное, думается, не столь важно.

ISBN 978-5-44-854591-7

© Вахитов С.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Часть I. Секретик	9
Глава 1. Три тысячи книг	9
Глава 2. Короткое замыкание	14
Глава 3. Альтернатива	17
Глава 4. Шалбан	22
Глава 5. Хелп	29
Глава 6. Тюремщик	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Салагин Книга о любви

Салават Вахитов

© Салават Вахитов, 2017

ISBN 978-5-4485-4591-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Книгу, связанную с детскими воспоминаниями и первоначально называвшуюся «Дай прошлому спокойно уйти», я начал писать сорок лет назад. Нет, это совсем не значит, что все эти годы я каждодневно трудился над ней днём и ночью, иначе получилось бы, наверное, не менее девяноста томов, как у великого классика. Просто тогда, в 1973 году, появились строчки коротеньких дневниковых записей, которые хранили детские впечатления о туристском походе по Северному Кавказу – по знаменитой всесоюзной «тридцатке», а недавно старую историю удалось восполнить по памяти и «настучать» на компьютере.

Писать о детстве – все равно что совершать путешествие во времени. Это непросто, потому что приходится будоражить воспоминания об ушедших людях и ушедшей стране. Осознание того, что прошлое невосвратно, тяготит: в нём уже ничего не исправить и не изменить. Оно было таким, каким было. И надо ли возвращаться в прошлое? Может, дать ему спокойно уйти и жить только настоящим? У меня нет достойного ответа на этот вопрос.

– Здравствуйтесь, я вернулся! – говорю я.

Мой дом встречает меня распахнутой дверью: вижу, как мама и бабушка хлопочут на кухне, готовят что-то вкусненькое – чак-чак или перемячи, а может, и то и другое, разогретый чайник пытит на плите – меня ждали. Папы, конечно, нет, он встаёт рано и уходит заниматься хозяйством, наверное, строгаёт и пилит что-то в мастерской. Братишка, радостный, выбегает навстречу с корабликом в руке, ему не терпится поиграть со мной. Я не возражаю, дорога не утомила меня, я сам давно ждал встречи с родными и очень по ним соскучился...

Когда я отправлялся путешествовать, я не представлял, что оно будет таким длительным и что мир столь необъятен и яростен. Я не был дома сорок лет: страсть к новым открытиям, ярким впечатлениям и эмоциям влекла меня в дальние странствия. Сорок лет я никак не мог остановиться и вот наконец вернулся, а в Санаторке, кажется, прошло лишь мгновение и ничего не изменилось. Здесь всё тот же 73-й год.

Нет, на самом деле, конечно, всё совсем не так: и мама, и бабушка, и маленький братишка – лишь смутные видения, вызванные причудливой памятью. Я вернулся к ним из того двухнедельного путешествия... как возвращаются астронавты после космической одиссеи. Мой санаторский дом напоминает гнездо, покинутое подростками птенцами, – остались лишь скорлупки – заплётённые окна, которые смотрят на меня помутневшими усталыми взорами. Равнодушно. Не узнавая. Ведь для них прошло сорок лет. С волнением заглядываю в стёкла – какая маленькая комнатка! И как мы всей семьёй в ней умещались? Там уже успели пожить чужие люди, но и они бросили дом после случившегося пожара на втором этаже. Никто не захотел его восстанавливать – настолько он состарился. Дому давно был необходим капремонт. Всё, начиная с сантехники и кончая крышей, с молчаливым укором требовало замены. Больше так жить было нельзя. Но ничего поменять не успели. Пожар разрушил жилище, и люди разъехались кто куда. Конечно, кроме Наиля, моего соседа сверху, и Валерки – брата Петры, которые в этом огне сгорели. Обычное для России дело – отпраздновали что-то и заснули, а зажжённая сигарета упала на диван и подпалила старое тряпье, а потом огонь стал неторопливо пожирать стены, пока не вырвался наружу и не расцвёл пышным пламенем. Глупая, нелепая смерть. Она забрала многих моих детских товарищей.

Парадоксы времени ещё плохо изучены, и мы тешим себя надеждами на то, что оно нелинейно, а значит, невосвратность его слегка преувеличена. Хочется верить, что время – не поезд с билетом в один конец. И я начинаю рассуждать, как учила меня когда-то учительница математики Мунира Амировна: «Если задачка трудна и не сразу поддаётся решению, не надо расстраиваться. Представь, как тебе повезло! Лёгкую-то задачку, подставив готовые формулы, любой дурак решит. Ты должен найти собственный путь и разгадать секретик, скрытый от взгляда

обычных людей. Жить – это значит решать хитроумные задачи и познавать непознанное, искать спрятанные сокровища и раскрывать сокровенное, даже если оно под семью замками за заколоченной дверью».

Дверь в подъезд моего дома, действительно, заколочена большими гвоздями – на сто пятьдесят, не меньше, судя по торчащим широким шляпкам. В моём детстве двери никто никогда не заколачивал, более того, они никогда не запирались. А зачем? В Санаторке не было воров. Был один «тюремщик», но и ему все доверяли. Если хозяева отлучались надолго, то ключи оставались в условленных местах, которые ни от кого не скрывались и всем соседям были хорошо известны – обычно клали под дверные коврики.

Окна зала распахнуты, они находятся столь низко над землёй, что ничего не стоит забраться через них в комнату. Так я и поступаю: в комнате мусор – старые газеты, отлетевшие от сырости обои, развалившийся диван. На потолке, там, где висела люстра, то и дело набухают тяжёлые капли – следствие недавно прошедшего дождя – и срываются вниз, отстукивая время вместо остановившихся от старости настенных часов. На их месте остались лишь крепления, и больше ничего примечательного, за что может зацепиться взгляд, но сердце сжимается среди обездоленных стен, и охватывает чувство вины, вполне соразмерное переживаниям блудного сына, вернувшегося к отчужденному дому.

На людей, несомненно, накладывает отпечаток то, в каких домах они жили. Вот я, например, вырос в стране незапираемых дверей, во второй квартире дома №8 санаторского посёлка и потому ощущаю некий дискомфорт в современных реалиях железных дверей и тяжёлых засовов. Я думаю, что неразумно вешать какие бы то ни было замки и сосуществовать в обществе закрытых дверей. Добровольно отказываться от общения, отгораживаться от природы, от неизведанных дорог и тропинок – ну не глупо ли? Неужели люди разучились доверять друг другу? Недоверие рождает недоверие, а только открытое сердце способно привести мир к добру и справедливости.

Обойдя зал и спальню, я заглядываю на кухню, потом в ванную – и везде стены, свидетели моего счастливого детства, навеивают тёплые воспоминания. Я понимаю, что мне повезло родиться и расти в моей славной могучей стране в тихих заботах и радостях. Невидимая защитная скорлупа оберегала меня, словно птенца, от воздействия яростного мира. Но птенец созрел для того, чтобы проклюнуться, и, ещё не умея летать, попытался сделать первые робкие шаги. Окрепнув, он стал всё дальше удаляться от родного гнезда, пока наконец не покинул его навсегда.

Я выбираюсь обратно на улицу и иду по небольшому посёлку. Везде встречаются новые, незнакомые мне люди, которые настороженно рассматривают меня. Берёзы в рощице, что началась в ста шагах от нашего дома, стали большими, правда, лес стал реже: сказалось влияние человека. Всё изменилось: появились новые дома, исчезли некоторые старые, и лишь одно осталось неизменным, что удивило меня: тропинки, по которым я ходил сорок лет назад, остались на прежнем месте. Да-да, всё изменилось за это время, а тропинки остались! Они не заросли и не изменили своих очертаний, они, как и стены дома, хранили память обо мне прежнем – коротко стриженном нескладном подростке в пластмассовых очках, уродовавших, как мне казалось, лицо. Кто знал, что через сорок лет такие очки войдут в моду и молодёжь будет носить их с удовольствием. Тогда же я чувствовал себя чужим в среде неочкастых сверстников, переживал по этому поводу и, гуляя в одиночку по лесным тропинкам, записывал в тетрадку слова.

Слова, как древние знаки, обладают магией, а поэтому не могут не хранить секретов. Настукивая ежедневно на клавиатуре буквы в слова, а слова в предложения, я с удивлением обнаруживаю, как параллельно с задуманными образами вне моей воли возникают неожиданные смыслы и ассоциативные связи, о существовании которых совсем не предполагал, даже не догадывался. Каждый день, садясь за компьютер, я продолжаю путешествие, которое начал

когда-то двенадцатилетним подростком, мечтая найти скрытые сокровища. Но теперь я-то точно знаю, где таятся настоящие клады, и, совершая всё новые и новые открытия, понимаю: единственное, что никогда не может надоесть, есть счастье познания.

Часть I. Секретик

Глава 1. Три тысячи книг

Однажды я поинтересовался у юной писательницы с загадочным именем Оля, что она пишет – рассказ или повесть. Девочка удивилась, и ответ её был непререкаемо холоден: «Я пишу только книги». Я сконфузился и попытался изменить формулировку вопроса: «Нет, ты меня не поняла. В каком жанре ты работаешь?» «Это ты меня не понял, – рассердилась она, – я же сказала, что пишу только книги!» «Извини, – спохватился я, – мне и самому следовало бы догадаться». С тех пор и я пишу только книги.

Я пишу книги, потому что у меня есть сердце, которое хранит тайну. Тайна эта проста, но сам я довольно долго доходил до её понимания. Она помогает мне творить собственный мир в калейдоскопе меняющихся мозаик. Вы же знаете, есть такая детская игрушка – калейдоскоп, в трёх зеркалах которой постоянно сменяются неповторимые узоры, составленные из цветных стёклышек. Когда я был ребёнком, всегда расстраивался, что понравившуюся картинку нельзя закрепить – остановить, чтобы потом любоваться ею вечно. Помню попытки осторожно передать калейдоскоп маме, чтобы и она оценила восхитившее меня чудо, но, увы, в какое-то мгновение коварные стёклышки успевали переместиться и складывались в совсем иную комбинацию. «В калейдоскопе жизни люди обречены видеть мир по-разному», – расстраивался я. А молодой пылкий мозг тут же задавался вопросом: «Почему это „обречены“? Не является ли иное видение преимуществом?»

Увлёкшись писательским творчеством, однажды я совершил небольшое открытие. Возможно, для кого-то оно и не станет настоящим откровением, но мой «секретик» позволяет придавать объём и глубину незатейливым, на первый взгляд, повествованиям, поэтому я им часто пользуюсь. Только для того, чтобы раскрыть несложный художественный приём, сначала придётся рассказать вам о моей первой любви, поскольку именно она и научила меня писательскому ремеслу. Я ещё никогда никому не рассказывал о своей первой любви, историю эту надо бы держать в тайне: любовные переживания – вещь довольно интимная. Но что делать, если писательское искусство познаётся только через любовь и никак иначе? У меня лишь маленькая просьба: пусть всё, что я расскажу, останется между нами. Ладно?

И тут я понимаю, что если и говорить о первой любви, то сначала следует поведать о том, что к двенадцати годам жизни я прочитал три тысячи книг. Когда я сообщаю друзьям об этом бесспорном для меня факте, они проявляют недоверие и начинают возмущаться: «Как? Такого не может быть! Ты что, считал их? Или вёл списки?» «Нет, – отвечаю, – сам я списков не вёл, их вели за меня другие люди». «Да-да, конечно, в детстве у тебя были личные секретари», – они пытаются язвить. Меня всегда удивляет леньность человеческого мозга, нежелание поколдовать чуть-чуть над несложной задачей и попытаться решить её. Вы-то хоть догадались, кто может не только сосчитать количество прочитанных ребёнком книг, но и перечислить их – все три тысячи? В 1973 году подобная задачка решалась просто, поскольку не было Интернета и электронных изданий. Конечно, вы уже сообразили: подсчёт вели библиотекари, им было нетрудно, поскольку записи о прочитанном сохранялись в библиотечных формулярах.

Итак, примем за аксиому, что к двенадцати годам я прочитал ровно три тысячи книг – тонких и толстых, смешных и грустных, гениальных и совершенно бездарных. Я читал все, что попадало в руки: сказки и научную фантастику, повести и рассказы для детей, романы и драмы для взрослых, учебники по астрономии и радиотехнике... Список бесконечен, его легко продолжить. Часто думаю о том, насколько важно, чтобы в пору жадного, яростного поглощения молодым и свежим мозгом информации о мире рядом был мудрый наставник. Моим же чте-

нием, увы, никто никогда не руководил, поэтому я и стал тем, кем стал, – банальным путешественником во времени.

В пору моей прекрасной юности я совершенно не понимал, почему писатели так много пишут о любви. Мне казалось неразумным растрачивать столько энергии и драгоценных страниц на бессмысленные описания объятий и поцелуев, да и герои-любовники не находили у меня сочувствия. Хотя, конечно, немного привираю: шекспировскому Ромео, к примеру, его глупости почему-то прощались. Честно говоря, любовь была девчачьей темой, и это девчонки могли тайно, скрывая не только от родителей и учителей, но и от нас, мальчишек, зачитываться какой-нибудь «Анжеликой», а потом долго секретничать, чего-то там обсуждая. И где они брали такие книжки в 73-м году, одному Богу ведомо.

Теперь я в возрасте и понимаю, насколько был несправедлив в своих детских суждениях: если и стоит о чём-то писать в этом мире, то только о любви.

Удивительно, что, несмотря на колоссальный разброс в тематике чтения, в голове, тем не менее, не было хаоса: информация скрупулёзно оценивалась и размещалась по специально отведённым полочкам в коре головного мозга. Это происходило само собой, так уж я устроен. По натуре я собиратель и классификатор. Если, например, коллекционирую спичечные этикетки, марки или значки, – это означает, что все они должны быть аккуратно расставлены по классерам и коробочкам в полном соответствии с избранной темой. Так же я поступаю и с книгами. Помню, у меня сначала было всего три книги, и я мечтал о большой библиотеке – такой, как у Максима Горького. О ней я прочитал как-то в журнале «Наука и жизнь». Между прочим в статье автор рассказывал и о библиофильстве. Вероятно, делал он это весьма умело, потому что разжёл во мне желание обладать бесценными книгами, и новая страсть, как разгорающийся пожар, вмиг охватила неокрепшую душу.

– Папа, ты знаешь, какая была библиотека у Максима Горького? – спросил я отца.

Отец в это время колот чурки для титана в сарае, служившем одновременной и мастерской.

– У него была библиотека?

Он на мгновение отложил топор и посмотрел на меня, пытаясь разгадать подтекст моего вопроса.

– Да, личная. В три тысячи томов!

– А-а-а... – протянул он и продолжил работу, давая понять, что диалог закончен.

Папа был строителем и отреагировал на мое увлечение своеобразно. Вместо того чтобы закупить мне новых книжек, он соорудил книжные полки над моим письменным столом, и я на них три книги поставил. Только потом, будучи совсем взрослым, оценил отцовскую мудрость – не имея возможности моментально осчастливить меня библиотекой, он поддержал мою мечту, дал надежду и уверенность в том, что она сбудется. Каждый вечер, ложась спать в кровать напротив книжных полок, я долго глядел на них и мечтал о том счастливом времени, когда они наконец заполнятся. И каждый день просил родителей купить новую книжку.

– Когда-нибудь и Самат напишет книгу, – сказал однажды отец матери за вечерним ужином.

«Ну уж нет, – сказал я себе. – На свете так много интересных книжек, что и прочитать все невозможно. Зачем их писать?» Воспользовавшись моментом, я решил требовать себе ещё один томик, но не знал, что заказать: составленный мной библиографический список был давно исчерпан.

– Папа, а какие книги ты читал в детстве?» – спросил я.

– Школьные учебники и разные пособия по ремесленничеству. Я любил только полезные книжки.

Папа догадался, к чему я клоню, и попытался уйти от ответа.

– Значит, в литературе ты полный профан?

– Ну зачем ты так, – ему стало неудобно, – я читал книжки, которые учитель советовал: «Как закалялась сталь», «Улица младшего сына», «Алитет уходит в горы»... Отличные полезные истории для ума и сердца.

В восторге оттого, что добился нужного ответа, я уставился на маму:

– Хочу такие книжки!

Первую – про Павку Корчагина – мне купили почти сразу, на следующий день, вторую мама принесла из жуковской библиотеки – это была книга Льва Кассиля, и она мне понравилась настолько, что я впоследствии перечитал все произведения этого автора, а вот третью книжку мне не нашли, и я долго гадал, о чем она. Гор, куда уходил Алитет, я никогда не видел, но они казались тем загадочным местом, где и возможны самые невероятные приключения. Бабушка купила мне в санаторском киоске «Казак» Льва Толстого, чем только подогрела интерес: после истории об Оленине захотелось прочувствовать звенящую красоту кавказских гор, испытать опасности, которые в них таились. Горы, горы, горы... – я заболел ими и жаждал новых книг о людях, обретающих счастье и горе среди холодных молчаливых скал.

Каждой книжке радовался как зашедшему в гости лучшему другу. Хотя и прочитывалась она практически за один вечер, потом долго любовался ею, проводя ладонью по кожаному переплету. Книга раскрывалась, как утренний пион раскрывает нежные лепестки, и я с наслаждением вдыхал пыльцу с её страниц. Книга дурманила ароматом – в ней хранилось время, жила история и созревали дерзкие мечты...

Незаметно и отцовские книги – одна за другой – переключались на мои полки, и потихоньку дома собралась довольно приличная библиотека из трехсот томов. Но они все были давно прочитаны, а жадный голодный мозг требовал свежей информации во всё возрастающем объёме. Я просто изнывал от нехватки книг и маялся, не находя себе места в маленькой санаторской квартире. Видя мои страдания, бабушка однажды не выдержала.

– Пошли со мной на работу, – позвала она.

– А зачем мне на твою работу?

Честно сказать, к приглашению я поначалу отнёсся без всякого энтузиазма. Но потом подумал, что в главном корпусе санатория есть книжный киоск. Книгу бабушка мне вряд ли купит – зарплата ещё не скоро, – зато можно полюбоваться заветными томиком и помечтать о них.

– Секрет, – сказала бабушка. – Потом узнаешь.

Секрет? Ого! Секреты я любил.

Бабушка работала санитаркой в санатории «Юматово». Санитар в моём понимании относился к медицинским работникам и, видимо, так оно и было, но бабушка в основном занималась тем, что прибиралась в комнатах отдыхающих – мыла полы и ухаживала за цветами, которых было невероятное количество. Однажды меня поразило то, что она протирает листья лимонов и пальм подсахаренной водой. «Это мой секретик, – улыбнулась бабушка, – от сахара листья блестят, а главврачу нравится, когда всё вокруг блестит, поэтому он и выписывает мне квартальные премии». Восхищению моему не было предела.

Бабушка устроила мне настоящий праздник: отвела в санаторскую библиотеку, куда меня и записали по благу как внука сотрудницы. В библиотеке работали две женщины. Одна – пожилая, в сером строгом костюме – никогда не улыбалась, казалась суровой, и я её побаивался. Другая – совсем молодая, с собранными в пучок волосами – напоминала мне воспитательницу детского сада, которую можно было не слушаться. В то время как раз вышел душевный фильм «Возврата нет» по повести Анатолия Калинина, взбудораживший женские сердца моей великой Родины. Когда мы с бабушкой вошли в библиотечный зал, библиотекари довольно бурно обсуждали экранизированную книгу, которую буквально навязывали заторможенному седоволосому очкарику-отдыхающему. «Нонна Мордюкова сыграла саму себя, это её история с Вячеславом Тихоновым!» – Женщина в сером вбивала в голову старика совершенно бес-

смысленную для него информацию, глаза её сверкали благородным пламенем вечного огня. «Воспитательница» с серьёзным видом кивала головой в знак согласия, а увидев нас, улыбнулась приветливо и занялась мной.

Поначалу меня не подпускали к основным фондам и отвели к одному-единственному стеллажу с детской литературой, где я имел право рыться и брать книги на дом. Наивные. Я не стал тратить время на бессмысленные поиски увлекательного чтения, а поступил как Македонский, разрубивший Гордиев узел, взял три-четыре книги с левого угла самой верхней полки – возможно, я думал, что самые интересные книги ставят выше, чтобы их труднее было достать, – прочитал их за один день, а на следующее утро пришёл за следующими томами – благо были летние каникулы, и свободного времени хватало. Библиотекарши удивились, похвалили моё усердие, а потом привыкли к тому, что я появляюсь у них каждый день. Когда с детским стеллажом было покончено, я стал потихоньку пробираться к взрослому фонду, где корешок к корешку стояли добротные изданные толстые тома собраний сочинений: Марк Твен, Жюль Верн, Майн Рид и Джек Лондон манили меня в дальние страны.

Я до сих пор благодарен добрым феям-библиотекаршам за то, что они сделали для меня исключение и сняли табу с взрослых книг. Увы, я позабыл их имена, но с тех пор молюсь их смутным образам. Потому что есть лишь один способ жить интересно и весело – каждый день узнавать как можно больше нового о мире. И такая возможность мне была предоставлена. Однако если каждый день читать новые книги, то наконец может настать момент, когда все знания, имеющиеся у человечества, станут тебе известны. «Что делать тогда?» – спрашивал я себя. И сам же себе отвечал: «Тогда, наверное, я стану взрослым и мне придётся самому добывать новые сведения и, вполне возможно, как и говорил папа, писать новые книги». Иначе станет скучно... Про «скучно» я услышал от нашего соседа, художника Вахутинского, зашедшего к отцу с просьбой проявить фотоплёнку. «И так жить скучно, а тут ещё...», – пожаловался он как-то на жизнь. Что «ещё» я не расслышал, но пришёл к выводу, что Вахутинский наверняка прочитал все доступные книги, и теперь ему больше знать нечего. Именно поэтому, когда он не рисует для окрестных школ портреты Ленина, пьёт водку и валяется в грязи. И его жена, Олимпиада Викторовна, от жалости и безысходности поддерживает его увлечения. «Странно, почему люди пьют водку, – думал я, – ведь шоколад намного вкуснее? Когда я вырасту, буду покупать себе шоколад каждый день». Идея с шоколадом мучила меня достаточно долго, но не настолько, чтобы стать навязчивой, а вот мысль о том, что поток книг однажды может иссякнуть, нет-нет да и повергала меня в уныние, и я старался об этом не думать.

В моей советской стране было принято подписываться на журналы. В семье этим обычно занималась мама: папе выписывали «Науку и жизнь» и «Технику – молодёжи», мне – «Юный техник» и «Костёр», маме и бабушке – «Работницу», а братишке Марату – «Весёлые картинки». Конечно, я читал всё. Из «Весёлых картинок» мне запомнились стихи:

*Погостить из леса-бора
Прибыл зайка к брату в город.
Угощает зайку брат,
Открывает лимонад.
Угоститься – это дело.
Вдруг бутылка зашипела.
Крикнул зайка: «Ой-ой-ой!»
Прыг в окошко – и домой.*

Я заучил их наизусть и читал братишке много раз, и он всегда искренне веселился, будто слышал впервые. Жаль, автора я не запомнил, хотя, думаю, вычислить его сейчас, в век Интер-

нета, несложно. Предпочтения мои всё же отдавались тогда не стихам, а текстам, посвящённым радиотехнике, новым открытиям и разгадкам хитроумных фокусов.

Одна из статей «Науки и жизни» привела меня к мысли, что объём прочитанных мною книг сопоставим с библиотекой Максима Горького, который обладал широкими знаниями, поскольку интересовался практически всем. Я подумал, что три тысячи книг – совсем не шутка. Пора было как-то использовать полученные знания.

Глава 2. Короткое замыкание

В детстве я не знал слова «аббревиатура», но зато хорошо запомнил загадочное сочетание букв «РВС». Я заметил их в сноске какой-то очередной книги, которую привезла мама из жуковской библиотеки. Буквы составляли название повести Аркадия Гайдара – деда ельцинского деятеля, развалившего мою страну, – но что они значили? Тайну следовало немедленно разгадать, иначе дальше жить было невозможно. Те издания, которые хранились у меня, ничего не могли подсказать, и в санаторской библиотеке, рассчитанной на взрослых читателей-отдыхающих, не оказалось нужной повести. Тогда я и стал приставать к маме с просьбой найти книгу в Жуково – соседнем селе, где она работала бухгалтером и куда ежедневно ездила на электричке. Мама, конечно же, никогда не отказывала в подобных просьбах, но она была сильно занята на работе бесчисленными отчётами и, разумеется, забывала. Пришлось напоминать ей несколько дней подряд, пока заветная книжка не оказалась у меня в руках. Я прочёл её залпом, и тогда понял, что мир устроен несколько сложнее, чем я предполагал: не каждый человек допускается к его секретам, а только тот, кто знает пароли.

И я, к величайшему моему удовлетворению, стал обладателем одного из таких паролей: если б мне, к примеру, понадобилось доставить бойцам важные сведения, то слово «РВС», или «реввоенсовет», явилось бы пропуском в штаб Красной Армии. «Как жаль, что я опоздал родиться, – думал я, – ни тебе гражданской войны, ни Отечественной. Всё в прошлом. Где теперь совершать подвиги?» Что и говорить, завидовал я героям прочитанных книг. Да и не я один. Во дворе мальчишки играли в «Красное знамя» и, страшно подумать, бредили о времени тяжёлых испытаний, когда можно будет пожертвовать собственной жизнью во имя Великой Родины – так, как это сделали Александр Матросов и Олег Кошевой.

Однажды я заметил, что знания, полученные из книг, делают меня особенным в среде мальчишек. По правилам игры, каждая из команд должна была придумать пароль, представлявший собой сложносокращённую фразу. Бывало, я даже не участвую в игре, а сижу, скажем, дома и читаю очередную книжку, и в это время забегают ко мне Петра с Ринатом и с ходу прямо в лоб спрашивают:

– Самат, что такое «ЗК»?

– Ну это ж понятно, – отвечаю, – «ЗК» значит «Зоя Космодемьянская».

– Ух ты! Ура! Зоя Космодемьянская! – восхищаются они и убегают к своей команде с радостной вестью.

Проигрывающие соперники придумывают новый пароль, и снова ко мне отправляют послы. Они вбегают в квартиру неожиданно, без предупреждения, без мысли постучаться в дверь. А зачем? Она ж все равно не заперта.

– А что такое «КЗ»? – спрашивает Ринат, в школе он считается двоечником, но мы с ним дружим, хотя, вроде как, принято, чтобы пятёрочники дружили с пятёрочниками, а двоечники...

– Ну! – торопит Ринат. – Говори быстрее! – Ему даже не приходит на ум, что я чего-то могу не знать.

– Кажется, Константин Заслонов, – говорю.

Снова восторги – и посланники убегают на поле брани выручать «своих».

Нехитрая игра «в пароли» сделала меня легендой двора. Ребята постарше однажды устроили мне экзамен, загадывая умопомрачительные сокращения.

– Скажи, что такое «СБЧЖ»? – спрашивали они.

Я отвечал не задумываясь:

– Ставка больше, чем жизнь.

– А «ЧТИС»?

– Четыре танкиста и собака.

Дураки, они даже не догадывались, что чем длиннее сокращения, тем легче их разгадывать. Да и что там разгадывать-то? Ответы лежали на поверхности. Фантазии ребят хватало лишь на то, чтобы загадывать названия фильмов. Ведь если спросить, что такое «ЗиГ», понятно же, что это «Зита и Гита», поэтому поначалу я не очень-то и обольщался открывшимися способностями, но со временем стал замечать нечто мистическое: я расшифровывал сокращения машинально, автоматически, каким-то неведомым чутьём, совершенно не прилагая усилий. Это была особенность моего организма – точно такая же, как способность дышать или, скажем, переваривать пищу. Мозг привычно реагировал на знаки и извлекал из них сокрытый от непосвящённого смысл.

Благодаря уникальным способностям дешифратора и очкам с оправой из пятнистой пластмассы я получил от старших ребят прозвище «профессор», чем очень гордился. Мне, честно говоря, льстило, что я имею некоторый авторитет среди мальчишек, но, к моему огорчению, умственные способности тогда не очень ценились. Знания, которыми я обладал, почти ничего не стоили по сравнению с физической крепостью товарищей по играм. Они росли ловкими, шустрыми и крепкими, я им намного уступал: был слаб, робок и нерешителен, в драках всегда проигрывал и совсем не понимал, как можно было назвать журнал «Знание – сила», если на самом деле сила заключалась абсолютно в другом. Вот, например, мой сосед сверху – Наилька Акбашев – устроил в сарае тренировочный зал: натаскал откуда-то гирь и гантелей и каждый день тренировался. Пытался учить меня:

– Качайся, мужчина должен уметь постоять за себя. Вот вырастешь, будут у тебя понты, заведёшь себе девчонку, чтоб жениться, и станешь с ней гулять. Придётся защищать её. А как, если ты слаб?

– Дурак ты! – резюмировал я, абсолютно не представляя себя рядом с девочкой.

Как это можно – «завести себе девчонку»? Она ж не кошка и не собака, да у неё ещё и родители. И куда её потом девать, если заведёшь? Ведь в конуру не посадишь, и в сарае зимой холодно.

Тут надо отдельно сказать про сараи. В нашем посёлке ни у кого из ребят не было собственной комнаты в квартире. Честно говоря, никто и не предполагал, что такое возможно. В лучшем случае был собственный уголок в зале или спальне. Но инстинктивное стремление к самостоятельности, видимо, ничем не заглушить, поэтому в тёплое время года мальчишки перебирались в сараи, которые находились у большого оврага на самом краю посёлка, – и родители не препятствовали сезонному исходу взрослых детей, поскольку поселковские квартиры были небольшими. Сараи благоустроивали, кто как мог: обшивали стены досками, стелили полы. Необходимый материал тащили с ближайшей стройки, никто из строителей этому не препятствовал, поэтому и воровством подобное приобретение не считалось. Только у меня одного не оказалось собственного «местожительства», поскольку отец любил столярничать и устроил в нашем сарае мастерскую, где и пропадал всё свободное время. Он и меня научил многим полезным вещам: строгать, пилить, колотить, и даже колоть дрова было для меня совершенно естественным занятием, которым в той или иной мере владели все санаторские мальчишки. Правда, мама с бабушкой было возмутились, когда я взял в руки отцовский топор и стал колоть дрова для титана, в котором разогревалась вода для ванной. Они боялись, что я отрублю себе палец или ногу. Но отец твёрдо заявил, что не дело женщин вмешиваться в мужские дела, и поощрил моё стремление к общественно-полезному труду.

В сараях проявлялись интересы ребят и реализовывались их наклонности. Так, например, Васька – высокий рыжий восьмиклассник, друживший с Витей Шахом, – целыми днями возился с чуть ли не единственным в посёлке «козлом» – мотоциклом «Минск» М-105, доставшимся ему от пропавшего отца: перебирал детали двигателя, чистил, мыл и всячески холил своего «любимца». В его чертогах пахло бензином и солидолом, впрочем, как и от него самого.

И это был запах настоящего мужчины! Когда он вечером выезжал прокатиться, неизменно собирал толпы мальчишек. Кто-нибудь из старших, несомненно, завидуя, но делая вид, будто ему все равно, ненавязчиво просил прокатиться. Васька внимательно оценивал ситуацию и позволял. Тогда довольный товарищ делал круг по футбольному полю. Конечно, ему хотелось бы «погонять» и подольше, но он хорошо понимал, что злоупотребить оказанным доверием – значит, получить отказ в следующий раз.

Витя Шах был радиолюбителем, на полках его владений располагались старые приёмники и даже телевизоры, которые он чинил или разбирал на запчасти. Он выписывал журнал «Радио» и однажды начал приобщать меня к таинству замысловатых схем, объясняя устройство различных деталей и их назначение. Я увлёкся настолько, что стал бредить радиотехникой, мечтал собрать приёмник или стать радистом. Когда Витя увидел в моих глазах блеск инженерной страсти, он подарил мне несколько деталей – диод и резисторы. Помнится, я был на седьмом небе от счастья и не расставался с ними весь день, даже засыпая, сжимал в кулаке продолговатую колбочку диода с серебристыми проводками. В голове моей тогда надолго всё связалось с радио- и электротехникой. И теперь, когда Петра с Ринатом спрашивали, что означает «КЗ», я, не задумываясь, отвечал: «Короткое замыкание». «Это как?» – тупили они. «Это когда вставляешь в розетку два гвоздя, а сверху бросаешь на них третий». – Их невежество бесило меня. Они, дураки, проверили моё объяснение на практике. Произведённый эффект вызвал бурный восторг. Как следствие, из-за частых «КЗ» в школе подолгу не было света.

Заболев радиотехникой, я стал просить отца привезти мне с завода аппаратуры связи, где он работал мастером строительного цеха, паяльник, а ещё олово и канифоль, а ещё ферритовый стержень, а ещё телефонный наушник, а ещё... В общем, список был длинен. Папа старательно выполнил мою просьбу. Ему пришлось завести знакомство в цехе связи, для того чтобы достать всё, что требовалось. Произошло это примерно так. Отец подошёл к мастеру дяде Валентину и сказал: «Ты мастер, и я мастер, давай помогать друг другу. Будут нужны стройматериалы – обращайся, а сейчас найди для меня ферритовый стержень». Дядя Валентин удивился необычной просьбе, но поскольку именно тогда ему позарез необходимо было ведро краски для дачи, немедленно нашёл нужные детали. Я потом подружился с ним, как и с другими местными связистами, и все они вмиг стали для меня близкими людьми, поскольку владела тайной радио. Помню, как санаторский радист дядя Серёжа подарил мне старый телевизор, из которого можно было выпаять и потом использовать кучу резисторов, конденсаторов и диодов. Это было необыкновенным везением, поскольку в те времена старые телевизоры на помойках не валялись.

Теперь я спаивал радиодетали друг с другом с утра и до вечера, но, увы, собранные схемы никак не хотели превращаться в приёмники, из динамика не доносилось ни единого звука: ни песни тебе, ни последних новостей. Тогда я надолго зарылся в журналы и наконец нашёл простые решения: оказалось, для того чтобы в наушнике заговорило радио, достаточно лишь диода, антенны и заземления. Антенна находилась на крыше нашего дома и была подведена к телевизору, в качестве заземления подходила батарея отопления, оставалось лишь подсоединить к ним наушник с диодом – и играла музыка. Я был даже несколько обескуражен: так долго бился над сложными схемами, а на деле всё оказалось намного проще. Значит, прежде чем хвататься за пайку, нужно изучить теорию и прочитать хотя бы несколько умных статей по теме. И я вновь принялся за чтение, но теперь уже читал осмысленно и направленно о технике и чудесах, которые она совершает. Интерес к радио возрастал день ото дня. Я поглядывал на неудачно спаянные детали, на неработающие схемы и верил, что когда-нибудь разберусь в тонкостях нового дела, и в моих приёмниках заиграет музыка.

Глава 3. Альтернатива

В один день я лишился авторитета, который зарабатывался долгим упорным трудом. И во всём была виновата девчонка.

Оля жила в доме напротив. Ну, если быть точнее, не совсем напротив, и не совсем жила. Дом её бабушки находился чуть правее нашего, но был виден из окна. Дом бревенчатый, обнесённый плотным дощатым забором. Штакетины со временем потемнели, калитка же была недавно покрашена и выделялась на тёмном фоне свежей голубой краской. Во дворе росли яблони – настоящий сад, бывший редкостью в санаторском посёлке. В доме жила старушка, облик её почему-то не запечатлелся в моей памяти, но помню, что она была добрая и по осени пускала нас, мальчишек, подбирать в саду опавшие яблоки. С дерева срывать плоды не разрешалось. Но кто из нас мог удержаться от искушения? А вдруг они вкуснее? Я попробовал было – нет, с дерева яблоки кислые, но когда запрещают, даже кислое кажется сладким. Итак, яблоки были сладкие, ароматные, и их запах навсегда связался у меня с девочкой в голубом ситцевом платице. Оля вообще-то проживала в Уфе со своими родителями, а к бабушке приезжала на выходные и каникулы. С санаторскими мальчишками она почти не общалась, лишь Резеда и Наташка изредка играли с ней в девчачьи игры. От наших поселковых девчонок Оля отличалась серьёзностью и длинной косой, которой, я знал, завидовали даже взрослые тётеньки.

По моим представлениям девочка эта была существом из другого мира, а к таким нужно относиться с благоговением. Она казалась нежной и яркой бабочкой-махаоном, к красоте которой нельзя прикасаться руками, иначе можно погубить её. Из робости я старался наблюдать за ней со стороны, ничем не выдавая любопытства к маленькой женщине. Несомненно, она была той самой принцессой из приключенческих книжек, ради которой рыцари и совершали бессмертные подвиги.

Честно сказать, на Олю я обратил внимание благодаря Хамиту из соседнего дома. Хамит был старше меня на один класс и намного сильнее. В меру толстый, широколицый, с низким сипловатым голосом – одним словом, типичный двоечник. Пытался петь на бог весть откуда взявшейся гитаре дворовые песни. Пение было никудышным, но, поскольку больше певцов во дворе не наблюдалось, вечерами собирал вокруг себя мальчишек и девчонок. Песни звучали тоскливо и трагично:

*Я плачу о тебе днём и ночью,
Я плачу, я одну тебя молю.
Я плачу о тебе, я плачу о судьбе,
Я плачу, я рыдаю, дорогая.*

В жаркий летний день он выходил из дома и садился в тени у подъезда прямо на асфальт, прислонясь к стене, и долгие часы проводил в таком положении. Я сначала не понимал смысла его великого сидения, мало ли по какой причине человек может сидеть часами недвижно. Видимо, со временем медитировать в одиночку Хамиту стало скучно, и он стал привлекать к странному занятию и меня. Мне было все равно где сидеть, уткнувшись в книгу, поэтому я не стал возражать и составил ему компанию.

– Выбрось книгу, – сказал Хамит, – я тебя не для этого позвал.
– А для чего? – удивился я. – Ты ж молчишь битых три часа...
– Посмотри на девочку через дорогу.

Я посмотрел. На скамейке у дома сидела Оля. Точно так же, как и я, – с книжкой. Она читала прямо под палящим солнцем. Возможно, заодно и загорала.

– Так ты в неё втюрился! – догадался я. – Так вот ты о ком плачешь днём и ночью!

Хамит скрежетнул зубами, злобно сверкнул восточными очами, но сдержался и промолчал.

Надо сказать, к девчонкам я в ту пору относился плохо и жениться на них, как предлагал Наилька Акбашев, никогда не собирался. Более того, в классе считалось дурным тоном сидеть с девочкой за одной партой – точно как в книжке про Тома Сойера и Гекльберри Финна. Это было просто невыносимо для настоящего мальчишки, потому что с девчонками сажали в наказание лишь хулиганов и двоечников.

В отличие от нас с Хамитом, Петра и Ринат не стеснялись общаться с Олей. А дело в том, что она была начитана не меньше меня и любые аббревиатуры разгадывала с лёгкостью. Теперь ребята стали больше обращаться к ней, я потерял исключительность, и мои услуги вдруг стали не востребованными. Конечно, это меня злило и печалило. Из-за какой-то мерзкой девчонки мой авторитет оказался на абсолютном нуле, а возможно, и в минусе. Но поделаться, увы, ничего было нельзя, оставалось только смириться. Правда, вскоре случилось так, что мне удалось взять реванш и поставить зарвавшуюся девочку на место.

Поздней весной Анна Фёдоровна, наша учительница по химии, а заодно и по биологии и немецкому языку, повезла меня в город на республиканскую олимпиаду. Электричка, на которой мы ехали в город, опоздала и, когда мы дошли до университета, участники уже сидели в аудитории и всю выполняли задания. Как я ни упирался, бойкая организаторша за руку втащила меня в переполненный зал и – о ужас! – усадила меня рядом с какой-то девочкой. «Это за что такое наказание? – промелькнула мысль. – Почему я, отличник с примерным поведением, должен сидеть с девочкой?»

От огорчения ни о какой олимпиаде я уже думать не мог, лишь отодвинулся на край скамейки и просидел битых два часа, отвернувшись от моей соседки. Хотя вру, всё-таки краем глаза я на неё поглядывал. Скажу по секрету, мне было не то чтобы стыдно сидеть рядом с незнакомой девочкой... В том то и дело, что она оказалась знакомой, и надо ли говорить, видимо, и так понятно, что это была та самая Оля. Случилось непредвиденное: вдруг новые приятные ощущения, вызванные неожиданной близостью, ранее мне абсолютно неизвестные, бесцеремонно ворвались в сознание и разнесли мозг на тысячи мельчайших химических элементов. Когда же они наконец соединились обратно, олимпиада уже подходила к концу, народ начинал сдавать задания и расходиться. И только тут я взглянул на Олины ответы и понял, что моя соперница по разгадыванию паролей в химии совершенно тупит. Она не может написать простейшую формулу соединения кислорода с углеродом. Да ведь любой дурак знает, что кислород и углерод желают жить вместе, только для того чтобы им соединиться, нужно дополнительное тепло, и тогда начинается процесс горения. Так вот и я, сидя близко к Оле, почувствовал её тепло, и трепетное пламя неожиданно ворвалось в мою неокрепшую душу:

Мама!

Ваш сын прекрасно болен!

Мама!

У него пожар сердца.

В результате горения, конечно, ничего хорошего не получается – или угарный газ, или углекислый. Правда углекислым газом дышат растения, и он незаменим при изготовлении газировки, так что... Я оторвал краешек от своего оставшегося чистым листочка, написал на нём ответ – CO_2 – и незаметно передал Оле. Возможно, мой благородной порыв заслуживал, как минимум, улыбки или благодарного взгляда, но ничего подобного не последовало. Девочка аккуратно переписала формулу, сдала задание и невозмутимо продефилировала мимо меня к выходу. В тесном проходе между партами я почувствовал яблочный аромат её волос. О, вдыхай!

хоть запах юной, уверенной в себе женщины – это совсем не то, что вдыхать запах бензина или канифоли в сараях моих друзей!

Следующим летом Хамиту не надо было уговаривать меня посидеть с ним напротив читающей под солнцем Оли. Я и сам без всяких просьб каждое утро спешил занять заветное место.

Девчонки в то время развлекались тем, что устраивали секретники. Сейчас это почти забытое занятие, поэтому стоит объяснить, как они делались: в земле рылась небольшая ямка круглой или овальной формы, в полученном углублении складывалась мозаика из разноцветных камешков, стёклышек или лепестков цветов и накрывалась сверху стеклом – простым или цветным; потом стекло засыпалось землёй и маскировалось травой и старыми листьями. При желании землю со стекла можно было разгрести и тайно любоваться причудливым узором. Никто, кроме ближайших подруг, не мог знать о местонахождении секретника. Таковы были правила.

Задачей же мальчишек было девичьи секреты находить, восторгаться замысловатой мозаикой, а затем уничтожать. С чего повелась такая игра, одному богу известно, но, уже будучи взрослым, я много раз наблюдал, как люди продолжают свои детские игры: сначала восторгаются красотами мира, а потом всячески стремятся от них избавиться. Одни создают, другие уничтожают. Правила принципиально не меняются.

Однажды Петра с Ринатом объявили, что видели, как Оля возится под берёзой рядом с поляной, где мы обычно играли в вышибалы. Наверняка она устроила там секретик. После не очень продолжительных поисков мы Олин тайник нашли. Но каково же было моё разочарование, когда, раскопав секретик, мы обнаружили грубую поделку – нечто совершенно безобразное из кусочков гудрона и мелкой гальки. О существовании абстракционизма я тогда не догадывался и оценить увиденное знаком «плюс» не смог.

– Фигня, – сказал Петра.

– Да, фигня, – подтвердил Ринат.

Ребята были недовольны. Хвастаться такой находкой перед кем-либо было бессмысленно: ещё и на смех поднимут. Мы даже ломать такой секретик не стали, а лишь запинали его ногами и ушли, раздосадованные.

Меня всё же не оставляла мысль: как Оля, человек такой тонкой организации, начитанный, умеющий разгадывать сложные пароли, умудрилась создать полную безвкусицу. Я был обескуражен. Мне не хотелось верить, что объект моей симпатии – примитивная глупая девчонка. Так не бывает! «Что-то здесь нечисто», – подумал я и через какое-то время в одиночку вернулся к злополучному месту.

Секретик был восстановлен и снова неуклюже замаскирован. Я раскопал его и вновь удивился примитивности Олиной фантазии. Она что, издевается надо мной?! Да, издевается! Ключевое слово оказалось найденным! С замиранием в сердце, поддавшись неожиданной догадке, я осторожно разобрал неуклюжую мозаику и стал рыть дальше. И о чудо! Секретик оказался двойным! Поверьте на слово, на этот раз он был безупречен. Боюсь, что описать увиденное невозможно – это так же бессмысленно, как рассказывать об узорчатых крылышках бабочки-махаона. Радости моей не было границ! Я верил в тебя, Оля, и не ошибся!

А потом я нарушил мальчишескую традицию и не стал разрушать Олин секретик, заботливо вернул на место верхний обманчивый уровень и замаскировал сухими листьями. Я шёл домой и думал, что это необыкновенно приятно – владеть девичьим секретом.

Оля преподала мне отличный урок, и я благодарен ей и поныне. С тех пор я знаю, что нельзя недооценивать людей и что настоящие секреты не лежат на поверхности, они находятся чуть глубже, и одна разгаданная тайна позволяет раскрыть другую.

Когда через много лет я начал писать рассказы, то вспомнил про Олин секретик и стал строить подобным образом художественные произведения, маскируя под простым синтаксисом сложную семантическую мозаику. Однажды я решил, что раз в одном и том же тексте могут уживаться два уровня осмысления, то почему бы не попытаться создать и третий. И как

только я об этом подумал – хлопнул себя по лбу от поразительной догадки: а ведь Оля была умной девочкой. Что если под её вторым секретиком находился третий? Моё сердце взволнованно забило спешащей секундной стрелкой в предчувствии нового открытия. И вот, будучи взрослым человеком, я вернулся в санаторский посёлок к той самой берёзе, росшей недалеко от наших бывших домов. Олиной бабушки давно не было на свете, и дом её снесли из-за ветхости вместе с яблоневым садом, а мой ещё стоял полуразрушенный, и в нём никто не жил. И берёза совсем одряхла от возраста и медленно умирала. Я стал разрывать землю у могучего корня, обнажившегося у самого основания, и даже не удивился, обнаружив стёклышко. Снял его и через мгновение обнаружил секретик с затейливым узором, но и он был безжалостно сметён. А под ним... конечно же, находился тайник. А в тайнике чудом сохранившийся кусочек бумаги, потемневший от времени. Тем не менее надпись на нём прочитывалась. «СО2» было написано на листочке.

Я умел разгадывать секреты. Я понял, что «С» – это Самат, «О» – Оля, а «2» могло означать лишь то, что нас было двое.

* * *

Тогда, в далёком 1973-м, Оля всё же оценила мой благородный порыв. Для меня было неожиданностью, когда при случайной встрече она коротко произнесла: «Спасибо!» Я растерялся и не знал, что ответить. Да и не понял сразу, за что «спасибо». Сообразив, что теперь туплю я, она улыбнулась и взяла инициативу в свои руки:

– А давай меняться книгами?

Оля хочет меняться со мной книгами? О такой степени доверия можно было только мечтать. Но были и сомнения. Что девчонка может предложить такого, чего я не читал?

– Меня не интересуют любовные истории, – заявил я твёрдо.

И тут же расстроился из-за своей торопливости. Ну кто тебя за язык-то дёргал, какая тебе разница что читать, если предлагает Оля?

Она заметила мою растерянность:

– Я буду рада, если ты прочитаешь про дикую собаку Динго.

Потом последовали «Алые паруса» Александра Грина – эта истории показалась мне более понятной – и так, незаметно для себя, я стал читать книги о любви. Перечитал заново «Казанков», история любви Оленина и Марьянки показалась весьма печальной. Разве люди расстаются, любя?

А потом у меня появился враг. Хамит, который из «прекрасного далёка» наблюдал за развитием нашей с Олей дружбы, вдруг резко переменял ко мне отношение: если раньше он покровительствовал мне в компании как более слабому, то теперь стал всенародно задирать и грубить.

– Хамит, не хамай! – не выдержал я однажды и тут же получил в поддых.

Я загнулся, и он коротким ударом сбил меня на землю. Очки отлетели куда-то в сторону. Я лежал в пыли, давясь обидой, ведь Хамит считался моим другом, – слёзы предательски катились из глаз, – но самым унижительным было то, что мой позор случился на глазах Оли. И я понимал, что это была сознательная подлость. Хамит сплюнул, подобрал очки и протянул их Ринату: «Отдашь ему, когда очухается...» – и отошёл небрежной походкой к поджидавшим его старшим ребятам.

– Я убью тебя! – прохрипел я в беспомощной злобе.

– Салага! – презрительное, резкое, как плевок, слово придавило меня к асфальту.

Никто не торопился встать на мою защиту.

– Я убью его! – Я посмотрел на Рината, который как-то пытался успокоить меня.

– Конечно, убьёшь, – сочувственно произнёс он, стряхивая пыль с моих запачканных брюк.

Подбежала от своего дома встревоженная Оля:

– Тебе больно?

Ну зачем она подошла? Сделала бы вид, что ничего не заметила... От досады я отвернулся и поковылял домой.

«Я убью его», – стучало в висках.

Но в то же время, сколько я ни старался, не мог осмыслить воспалённым мозгом, как это можно убить человека, у которого есть мать, братья и сёстры. С которыми я знаком и общаюсь. Ведь они любят Хамита и будут огорчены его смертью. А что я скажу им?

Ночью никак не мог заснуть. Прав был Наилька Акбашев. Знание – это не сила. Завтра же – к чёрту книжки! Попрошусь к Наилю в сарай на турник и буду качаться. Когда наконец задремал, приснилась Оля. Строго посмотрела на меня и сказала: «Салага!»

Оскорбление, нанесённое публично, прилипло ко мне новым прозвищем. В дальнейшем оно претерпело изменения и оформилось как «Салагин». Несмотря на то, что я больше не назывался «профессором», книжки читать не перестал. Качаться бросил на третий же день, когда как ни в чём не бывало зашёл Хамит и позвал играть. Ему я всё простил и убивать не стал, а вот Шалбана убивать пришлось.

Глава 4. Шалбан

Узкая стамеска послушно входит в дерево, пробивая рыхлую кору у основания крупной берёзы. Я стараюсь осторожно работать молотком: выбиваю не очень глубокое отверстие, понимая, что наношу рану живому существу. Потом вставляю жестяной желобок, вырезанный из консервной банки. Сок из отверстия будет течь по нему и капать в трёхлитровую банку, которую сажаю в заранее подготовленное углубление под берёзой. С боков банку присыпаю старой листвой, чтобы было не так заметно, и оставляю на ночь. Петра с Ринатом и мой сосед Серёжа Лизнёв копируют мои действия. Мы пришли поздно вечером, а в лесу темнеет быстро, надо торопиться. Днём банку ставить нельзя: её могут легко обнаружить, могут забрать или просто пнуть ногой. А самые «остроумные» обязательно напишут в неё – так, из весёлых хулиганских побуждений, – и принесёшь тогда домой не сок, а банку мочи. Зачем нам такие проблемы? Вот и приходится ставить банки, когда совсем стемнеет. И лучше всего это делать в санитарной зоне у водокачки: она огорожена металлической сеткой, и туда, честно сказать, ходить не позволено.

Сегодня мало кто понимает, что значит берёзовый сок для мальчишек семидесятых. И как это можно понять, если в любую минуту можно сбегать в супермаркет и купить себе колы или пепси? Или даже молочный коктейль. В наше время всё было по-другому. Для того чтобы насладиться берёзовым соком, к примеру, требовалось совершить некое таинство. В любом случае это был процесс. Творческий. Тот самый, который сродни искусству. Потому и напиток, который мы тогда пили, был настоящим, природным, не то что нынешнее магазинное пойло – продукт химического производства.

Но я отвлекся, сейчас речь совсем о другом: утром мы идём за берёзовым соком. Понятно, что весна, понятно, что раннее красное солнце, ещё не яркое, прорывающееся в глаза весёлыми вспышками сквозь чёрные голые ветви с набухающими почками. А наверху, в ветвях, – грачи. Они уже заметили нас и поднимаются над лесом с тревожным граем.

Я представляю, как принесу домой полную банку прохладного, чуть сладкого сока. Все – мама с папой, бабушка и братишка – соберутся за столом на кухне, мама разольёт лесной напиток по чашкам. Конечно же, им понравится моё угощение, и даже папа посмотрит на меня чуть хитроватым взглядом и, довольный, крикнет. Конечно, он ничего не скажет, он вообще скуп на похвалу, но я почувствую его одобрение. Это так приятно, когда отец тебя хвалит, пусть и молча, пусть и в глубине души!

И в этот момент мне хочется петь, несмотря на то, что Серёжа Лизнёв, авторитетный в посёлке аккордеонист, говорит, будто мне медведь на ухо наступил, а потом ещё и долго топтался.

«Лишь только подснежник...»

– Шалбан! – раздался пронзительный визг человека, попавшего в смертельную передрагу и отчаянно цепляющегося за жизнь. – Салагин, беги!

Ребята бросились врассыпную сквозь березняк к спасительному шоссе, считавшемуся границей запретной территории.

«распустится в срок...»

Я спохватился поздно, зазевавшись на дятла, методично выбивавшего носом-долотом азбуку весеннего леса. Почувствовал смертельно надвигающуюся тень – и ужас до колких холодных мурашек в спине внезапно охватил меня. Какое-то время я не мог пошевелиться, а потом рванул прочь что есть силы, но только не к шоссе, как все остальные, а в сторону оврага, находившегося слева.

«Лишь только приблизятся первые грозы...»

Голые ветви приовражного орешника больно хлестали в лицо. Предательские резиновые сапоги, купленные явно на вырост, норовили слететь на бегу и цеплялись за торчащие корни деревьев.

«На белых стволах появляется сок...»

Наконец я достиг края крутого оврага, но тут споткнулся о торчащий пень и подстреленным кроликом полетел на землю. Чудом державшиеся очки немедленно соскочили с носа, но я успел поймать их в падении и только потом рухнул носом в запах прелой листвы.

«То плачут берёзы, то плачут берёзы...»

Я живо представил себе огромную длинную руку Шалбана, тянущуюся ко мне, чтобы схватить и утащить на растерзание в чернеющую вдаль водокачку, и в отчаянии развернулся навстречу опасности, но... никто за мной не гнался. Было тихо. Ни топота ног, ни хищного дыхания злобного охранника. Лишь голые стволы берёз и беззаботная переключка грачей в синем весеннем небе.

И что я, собственно, бежал? Честно говоря, я не очень-то и смелый, и струсить, конечно, могу. Но только не всегда понимаю, чего бояться. Вот и сейчас побежал только потому, что все побежали. Да ещё этот дурацкий крик – «Шалбан». Почему-то считается, что Шалбана надо бояться – вот и боюсь. И я боюсь, хотя никогда его в глаза не видел, даже не представляю, как он выглядит. Он действительно такой страшный?

Конечно, мы ходили за берёзовым соком в санитарную зону, куда входить строго запрещается. Есть у нас в Санаторке такая запретная территория – участок березняка, огороженный сеткой, где находится водокачка. Но поскольку территория запретная, нас, мальчишек, она всегда привлекает. В ней – нечто таинственное, загадочное. Хочется знать, что там происходит – в почерневшем от времени дощатом двухэтажном здании, всегда закрытом на большой амбарный замок. Если прислонить ухо к двери, то слышны какие-то шумы, словно кто-то тяжело дышит, словно стучит большое сердце сказочного чудовища. Водокачкой ведаёт Шалбан – мужик из деревни Юматово. Говорят, если он кого-либо из мальчишек поймает на своей территории, то в наказание даёт шалбан – именно так произносилось в моём детстве литературное *щелбан* – и только после неприятной болезненной процедуры выпроваживает за ограду. Потому-то Шалбана и боюсь.

В этот момент мои рассуждения прерываются острой, пронзительной болью: плакс-плакс – и накатили в глаза огромные слёзы. Вдруг пришло осознание маленькой трагедии: от страха я совсем забыл про банку, которую бережно нёс домой. Разумеется, она опрокинулась, и вместе с соком утекли надежды угостить родных живительной влагой. И как я теперь вернусь домой с пустыми руками? И что скажу маленькому братишке, которому успел пообещать сладкое угощение? Стало обидно, и от безысходности я разрыдался. Гадкий Шалбан нанёс мне тяжёлую рану, да не узкой стамеской, а рубанул отчаянным топором прямо по сердцу, и слёзы потекли из раны не крохотными берёзовыми капельками, а горькими солёными ручьями. «Шалбан за это ответит, я убью его», – вихрились мрачные мысли.

«То плачут берёзы, то плачут берёзы...»

* * *

Мсть! Моё раненое сердце жаждало мести, и надо было обстоятельно обдумать, как наказать злобного Шалбана, чтобы больше никогда-никогда он не смел обижать санаторских мальчишек.

В то время я уже умел мастерить пугачи. Помню, первый пугач был изготовлен мною с мыслью облегчить жизнь бабушке. Тогда в «Малютке» – местном универмаге – начали продавать пистоны для игрушечных пистолетов и автоматов. И, естественно, все санаторские мальчишки, счастливые обладатели «огнестрельного оружия», стали просить родителей закупить побольше «патронов» на случай возможных «вооружённых конфликтов». Если честно, даже и без пистолетов пистоны можно было взрывать, наслаждаясь звуком «выстрела» и запа-

хом специфической гари, для этого нужно было чиркнуть ими о твёрдую, чуть шероховатую поверхность или просто стукнуть по ним молотком.

Возможно, пистоны стоили и недорого, но бюджет бабушки, которая работала в санатории всего-навсего санитаркой, был весьма скромнен. Кстати, нужно заметить, что бабушкой своей я очень гордился, поскольку из военных книг знал, что санитары спасли немало людей на войне и всегда рисковали собой, находясь на линии огня. А ещё я был виноват перед ней, потому что, когда был совсем маленьким и ничего не соображал, сжевал её медаль, полученную за героические усилия на трудовом фронте. То есть сжевал планку, а саму медаль куда-то закатил так, что её не смогли найти. Медаль была дорога ей, и она всегда переживала о нечаянной утрате.

Вот и сейчас, спустя много лет, я переживаю за «гадость», которую сотворил, будучи неразумным ребёнком. Помню, когда бабушка умирала в 2006-м и уже лежала, не вставая с постели, практически в беспомощности, она всё сжимала какую-то штуковину в руке и бесконечно тёрла её. Штуковиной оказалась юбилейная медаль, выпущенная к 60-летию Победы, – маленький символ того, что Родина не забыла о своей героине. Словно вернули бабушке награду военного времени. И эта медалька, многим казавшаяся бесполезным куском металла, давала возможность жить. Да, не только берёзовым соком поила нас щедрая Родина.

Так вот, я опять отвлёкся: купленные пистоны быстро заканчивались – и стрелять было нечем. И тогда пришла в голову мысль изготовить пугач, конструкцию которого я хорошо представлял, поскольку видел такое у старшеклассников. С теорией у меня всегда было всё в порядке.

Однако теория теорией, а практика требовала качественного материала для моего замысла: нужна была надёжная металлическая трубка.

– Где её взять? – спросил я Рината.

Он знал ответ:

– Да в тракторах такие есть! Сейчас дядя Ваня поставит свой «Беларусь» на обед. Постоишь на шухере, я тебе стырю.

Он сдержал обещание и под прикрытием целой орды мальчишек выдернул из работающего двигателя какую-то деталь. Но трубка оказалась тонкой, сделанной из латуни, только понапрасну заставили тракториста дядю Ваню оглашать матюгами опустевшую вмиг улицу.

– Ну и нафига мне она? – я не скрывал досады. – Ты хоть сам понимаешь, что из этого ничего не получится?

– Почему «ничего»? Я такую же добыл для Васьки. Он не жаловался.

Я смирился: мне не терпелось применить новые технические навыки. Для пугача, возможно, трубка годилась, в любом случае – специальных исследований и экспериментов проводить я не стал.

Технология изготовления была достаточно простой. Один конец трубки сплющивался молотком и в дуло заливался расплавленный свинец объёмом в полторы столовой ложки. Потом из длинного гвоздя изготавливался ударный механизм. Тупой конец сгибался под прямым углом, а острый вставлялся в трубку, куда в небольшом количестве засыпалась сера от спичек. Гвоздь оттягивался мощной медицинской резиной, и стоило её отпустить, как остриё с силой ударяло по сере – и раздавался выстрел, чуть громче, чем выстрел пистонов, продававшихся в «Малютке».

Поскольку я был торопыгой, пугач был готов в тот же день. И я взялся его испытывать, не отходя от места производства, то есть на кухне. Бабушка к тому времени вернулась с работы и отдыхала в спальне, братишка играл в зале, а родители были на работе.

«Удивлю-ка бабушку, – подумал я, – ей теперь не надо будет покупать пистоны. Вот радости-то будет!» Натянул, как положено, ударный механизм и отпустил резину. Увы, никакого выстрела не последовало. Наверное, не хватило серы. Соскрёб со спичек ещё и подсыпал

в ствол. Результат был тот же. Сколько же надо серы, чтобы эта штука выстрелила? Инструкций у меня не было. Опыта тоже. Голая теория. Подсыпал ещё. Потом ещё. А потом наконец раздался взрыв такой силы, что зазвенело в ушах: трубка выскочила из рук и с бешеной силой ударилась о кафельную плитку на стене, гвоздь улетел в противоположном направлении и воткнулся в деревянную дверь ванной комнаты, а кухня наполнилась гарью. В дверях застыл удивлённый братишка с машинкой в руках, он ничего не говорил, лишь глаза были широко раскрыты. Бабушка, совершенно офигевшая, примчалась на кухню и, убедившись, что со мной всё в порядке, набросилась на меня с руганью. Я почти не слышал, что она кричала, потому что в голове стоял гул от выстрела. Скажу по секрету, стрелять из оружия собственного производства – впечатление хоть и приятное, но вообще-то не для слабонервных. Когда бабушка немного пришла в себя и успокоилась, я пообещал выбросить «заменитель пистонов» и больше такого никогда не делать, и тогда мы договорились ни о чём не сообщать родителям. Боялись, что сгоряча попадёт нам обоим. «Это всё из-за Ипполитова, – твердила бабушка, – я же говорила тебе, не дружи с ним, он плохому научит!»

* * *

Ипполитом звали взрослого парня, недавно освободившегося с зоны, который и научил поселковых мальчишек литейному делу. Он был намного старше нас, и, почему возился с салагами, мне до сих пор не понятно. Имени парня никто – возможно, и он сам – не помнил, поэтому звали его по сокращённой фамилии Ипполитом. На склоне горы, с которой мы зимой катались на санках и лыжах, стоял дом его родителей, поэтому и гора называлась Ипполитовкой. «Ты куда идёшь?» – «На Ипполитовку» – обычные реплики нашего санаторского детства.

Ипполит показал, как вырезать формы для литья в больших картофелинах или в свёкле, а также лепить их из глины или устраивать в земле. Отливались не только свинцовые биты для игры в чикку или в котёл, но и кресты с сердечками, хотя последнее, конечно, было просто баловством, абсолютно несерьёзным занятием.

Свинец добывался на свалке за санаторскими гаражами, пока завгар дядя Толя отлучался куда-либо на служебном москвиче. На свалке всегда можно было найти старые аккумуляторы. Из их пластмассовых кожухов вынимались свинцовые рабочие пластины, налёт, появившийся в результате действия кислоты, выбивался о камни, и полученное сырьё складывалось в специальные ёмкости для плавки.

Процесс литья происходил на стройке. Стройкой называлась территория, где когда-то давно был заложен четырёхэтажный дом. Он строился много лет, не одно поколение детей успело окончить школу и разъехаться по великой стране, пока объект был наконец сдан. Строительство завершилось, в него уже вселились жильцы, но дом так и продолжали называть стройкой. Такова сила имени, изменить его трудно, порой вообще невозможно.

Помнится, однажды только мы разожгли огонь для плавки свинца, как я обнаружил участкового, подкатившего на «Урале» к соседнему дому.

– Милиция! – крикнул я ребятам взволнованно.

– Точно, – сказал Ипполит. – Молодец, Салагин, что заметил. А вон сзади ещё двое в гражданке, повернулись к нам спинами, типа не смотрят, а я мусоров как раз по спинам и определяю.

– А разве можно узнать их по спине? – поинтересовался я. – Как ты это делаешь?

– Не знаю, не думал, само так получается. Наверное, так же, как и ты по буквам отгадываешь целые слова, – ответил Ипполит и добавил: – Вы ничего не бойтесь, пацаны, это меня «пасут». Видно, сдаёт кто-то. Костёр не тушим, пусть думают, что мы здесь, а сами потихоньку улепётываем.

Вечером мне дома устроили взбучку.

– Меня вызвали в милицию и сообщили, что ты тоже был вместе с уголовником Ипполитовым, – заявила бабушка осуждающим тоном. – Просили принять меры, пока они сами не приняли.

Я попытался возмутиться:

– А кто им сказал, что я был там?

– Вот его фамилию мне как раз и не назвали! Обещай, что больше не будешь водиться со взрослыми хулиганами.

– Обещаю, – погрустнел я. – Буду общаться с невзрослыми отличниками.

* * *

Невзрослым отличником был Витя Шах. Сочинения, которые он писал в школе, приводили Клавдишу, нашу учительницу по русскому и литературе, в восторг и эйфорию. Она блаженно зачитывала их вслух на уроках, а я слушал и гордился тем, что не только дружу с известным писателем, но и живу в соседнем с ним подъезде. Поскольку Шаха на родительских собраниях всегда хвалили, к нему мне ходить разрешалось. Никто из взрослых и не догадывался, что Шах устроил в своём сарае курс молодого террориста и изготавливал поджигалы с достаточной убойной силой. Если из пугача можно было Шалбана лишь несильно напугать, то поджигал отлично годился для кровавой мести.

Вот к Шаху я и пришёл за советом и помощью.

Я понимал, что поджигал – это серьёзное оружие, поэтому зашёл издалека.

– Карбид? – спросил я. – Может, закидать его водокачку бутылками с карбидом?

Карбида в Санаторке было завались. Карбид – это запах детства. К сведению любознательных, карбидом называлось вещество CaC_2 – соединение кальция с углеродом, которое использовалось для сварочных работ. На стройке серые разнокалиберные камушки карбида валялись везде – и в упаковках, и с отсутствием оной. Мы засовывали их в бутылки, заливали водой – при этом начинал активно выделяться газ ацетилен, – бутылка затыкалась деревянной пробкой и бросалась в лужу – или, в зависимости от фантазии, устанавливалась под чье-либо дверь, зарывалась наполовину в землю и т. п. – через какое-то время раздавался взрыв, и осколки стекла летели в разные стороны. Взрывать карбид в моём счастливом детстве было таким же обычным занятием, как палить из компьютерных танков в мультяшного врага для современных детей.

Шах внимательно слушал меня и почему-то молчал; его молчание стало пугать меня, и я скис, поняв, что несу чушь.

– Шаровую бомбу? – Я неуверенно поднял глаза на Шаха.

Шаровая бомба – ноу-хау самого Шаха, его детище, изобретение, вполне сравнимое с ядерной бомбой. Мне как раз тогда попала в руки брошюра «Ваш враг – Теллер» об отце водородной бомбы физике Эдварде Теллере. Так вот, в моих глазах Витя Шах был намного круче, к тому же он был мне друг. То, что придумал Витя, ни одному американскому атомщику не под силу. Ну не хватит у них смекалки на такую простую вещь. Витя наполнил обыкновенный воздушный шар бензином, который предварительно слил из мотика Васьки, взял лампочку на 3,5 вольта, припаял к ней проводки. Затем осторожно разбил колбочку, чтобы не повредить нить накаливания, и осторожно опустил лампочку в бензин. Испытать новое изобретение Шаху не терпелось, и он опустил бензиновый шарик на верёвочке из окна второго этажа ровно к окну на первом этаже, где проживал его приятель Толик Мухатаев. А затем присоединил концы проводов к обычной гальванической батарее. О чём думал тогда Шах? Конечно, не о том, чтобы уничтожить Мухатаю. Он просто хотел удивить мир ярким и громким изобретением, передать людям радость открытия. Но его изобретательских восторгов никто не оценил. Раздался взрыв, нижнее окно вмиг окрасилось фиолетовым цветом. На улицу, визжа, выскочила Мухатаиха – мать шаховского приятеля. Скандал вышел нешуточный. Кончилось тем, что Витя покаялся и, поскольку был мастером на все руки, вставил Мухатаихе новое стекло вместо испорченного...

Молчание Шаха меня вконец расстроило. Наконец он заговорил:

– Брось темнить, ты же понимаешь, что связался со взрослым, поэтому и отомстить ему нужно по-взрослому. Карбид в бутылке – забава для детсадников, а сжигать бензином водокачку... Она-то в чём провинилась? Мне кажется, ты пришёл не за этим. Поджигал – вот оружие настоящего мужчины. У меня как раз лежит новая заготовка. Давай зальём трубку у вас на кухне, пока нет родителей, сделаем это на газовой плите: тупо накидаем в трубку рубленого свинца и разогреем на пламени.

Я согласился, и таинство превращения металлической трубки в ствол огнестрельного оружия произошло у меня на глазах. В благодарность за содействие я и получил право первым испытать поджигал. Это было и ответственно, и опасно. Совсем недавно у жуковского пацана разорвало поджиг прямо в руках, и он остался без глаза. Но я доверял Шаху, ведь он был отличником и всё, что ни делал, делал основательно и надёжно.

– Будешь стрелять в Шалбана, – сказал Шах.

Произнёс он это так спокойно, словно речь шла о забое свиньи.

– Как?

– Как-как? – передразнил Шах. – Подкрадёмся к водокачке, свистнем Шалбана, он выйдет из двери, и тогда ты выстрелишь. Всё просто.

Убивать Шалбана мне уже почему-то не хотелось. Но сказать об этом Шаху и ребятам – значит навсегда прослыть трусом и потерять всякое уважение. Увы, путь к отступлению оказался отрезан. Шах был настолько убедителен в речи, что оставалось верить: да, я смогу выстрелить в человека. Но ведь не убью его до смерти? Потом он слегка подлечится и снова сможет ловить ребят и давать им шалбаны сколько захочет. Если разобраться, то шалбаны – это и не наказание вовсе, а волне добродушный способ отпугивания назойливой ребятни. Проблема хозяина водокачки лишь в том, что с детьми он пытается разобраться детскими способами, не предполагая, что ответка может получиться абсолютно взрослой.

Шах засыпал в ствол поджигала настоящий порох из разобранных патронов от мелкашки, вставил пыж и утрамбовал всё стальным шомполом. Потом всыпал обрубки гвоздей, и я задумался о том, какой вред они могут нанести человеку. Если, например, выстрелить в лицо, то оно будет навсегда обезображено множеством дырок, поэтому, наверное, лучше стрелять в туловище. Неожиданно я представил, как кусочки гвоздей впиваются вокруг сердца несчастной жертвы и оно выпадает из тела. И как потом Шалбан без него?

Когда приготовления к террористическому акту были закончены, Шах назначил время сбора. В нашем кругу ни от кого не было секретов, поэтому посмотреть на выстрел мести пришли все, ведь не каждый день стреляют в Шалбана. Петра и Ринат откровенно радовались за меня, на лицах Хамита и Серёги угадывалась зависть, девчонки – Резеда и Наташка – считали меня героем.

Мы пришли к водокачке. Шах вложил мне в руку поджигал. Деревянная ручка удобно легла в ладонь – сделана с любовью – выпилена по шаблону, обработана рашпилем и отполирована шкуркой. В этот момент мне стало не по себе, мелкий озноб предательски охватил тело. Шах заметил лёгкую дрожь на теле подопечного, но не подал виду, лишь положил руку на моё плечо, чтобы успокоить.

– Давай, – сказал он Ринату.

Ринат вложил в рот два пальца и отчаянно свистнул.

Я смотрел на чёрную дверь и ждал, пока появится Шалбан, а тот всё не выходил.

Ребята стали кричать:

– Выходи, подлый трус!

Я был бледен.

– Я не смогу выстрелить в него, – признался я тихонечко Шаху. – Я ему всё прощаю.

– Что прощаешь, это хорошо, – ответил Шах. – Но ты же не хочешь выглядеть трусом перед ребятами?

И тут появился Шалбан, я впервые увидел его. Он был совсем не страшен в домашнем трико с отвисшими коленками и белой рубашке, худенький и невысокий дядька с козлиной бородкой. Ребята в страхе отбежали подальше.

– Стреляй, – приказал Шах.

– Я не могу, – признался я. – Нельзя убивать человека за банку сока.

– Салагин, ты трус! – сказал Шах.

– Я не трус! – Я никогда ещё не был так спокоен. – Сильвио тоже не выстрелил в своего врага.

– Зато Сильвио заставил его бояться. Ты думаешь, я дурак и позволю тебе кого-то убить? Дробь не долетит до него на таком расстоянии, заряд слишком слабый. Стреляй!

Я посмотрел на Шаха, он улыбался. Вот хитрец! Шаху можно было верить.

Я вытянул руку с поджигалом навстречу приближающемуся к нам грозному Шалбану и ширкнул коробком по замедлителю из трёх прикрученных к запалу спичек. Сера зашипела, и через пару секунд раздался грохот, и одновременно с отдачей из поджигала выскочило огромное жёлто-красное пламя, чуть не опалив мне руку. В ушах зазвенело. Я с трудом осознал, что сам остался жив, но зато Шалбан вдруг покачнулся и медленно, как в фильме, опрокинулся на землю. «Так когда-то Онегин застрелил Ленского, – подумал я. – Так Печорин убил Грушницкого».

Девчонки завизжали и бросились бежать по направлению к дому. Пацаны оцепенели и не двигались.

Я опустил поджигал и, тяжело волоча ноги, пошёл к убитому. Дыхание перехватило, и сердце крепко сжала неведомая внутренняя сила. Я бы заплакал, если б не был так ошеломлён. Что я наделал? Я совершил страшное преступление. Ещё недавно я был обыкновенным мальчишкой, а теперь, наверняка, буду сидеть в тюрьме, как Ипполит.

Я растерянно обернулся на Шаха, а тот устало присел на пень и хитро подмигнул мне:

– Сходи к нему, он хочет с тобой познакомиться.

С недоверием я подошёл к труп. «Труп» лежал на траве. Лицо наполовину было прикрыто капюшоном, рот был растянут до ушей в довольной улыбке, а короткая рыжая бородка подрагивала в беззвучном смехе. Я всё понял: Шалбан, вероятно, был в сговоре с Шахом. Мерзкие-мерзкие твари! У меня отлегло от сердца. Счастливый, я повалился на траву рядом с совершенно не страшным Шалбаном. Мне было приятно, что он жив и здоров. И тогда я рассмеялся, рассмеялся и Шалбан, рассмеялся чуть в стороне Шах, и его голос взлетел над лесом грачиным граем. Синее небо смотрело мне в глаза, и тогда я крепко зажмурился и увидел давнего друга-приятеля – мишку на фоне ярких солнечных лучей – мой талисман-оберег, сопровождающий меня по жизни. Казалось, что и он ласково улыбается мне.

В какое-то время смех Шалбана стал неприятно козлиным. Он неожиданно приподнялся и от всей души закатил мне смачный щелбан. Потом вскочил и ушёл в темноту водокачки. Я понял, что даже лица его не успел разглядеть и теперь при встрече вряд ли узнаю. В голове гудело: удар оказался весьма болезненным. Кто-кто, а Шалбан был мастером своего дела.

Ребята, так и не рискнувшие приблизиться к нам, долго переминались в сторонке, а потом в непонятках разбрелись по домам.

Глава 5. Хелп

Однажды отец решил внести в нашу семейную жизнь новые краски и неожиданно для всех купил катушечный магнитофон. То, что он был катушечным, можно было бы и не уточнять: других в ту пору не было. Магнитофон, или, по-народному, «маг», назывался загадочным словом «Соната», после которого стояли три палочки – римское «три» и имел специфический запах новой электротехники – смешанный аромат разогретого металла, пластика и резины. «Соната III», как потом выяснилось, оказалась надёжной машиной и служила целое десятилетие, пока морально не устарела и пока не ослаб её натяжной механизм. Для меня магнитофон был чудом, надолго запершим меня в доме, отгородив от дурного влияния улицы. На магнитную ленту можно было сохранять голоса любимых людей, записывать понравившиеся песни из теле- и радиопередач, вдобавок магнитофон легко дополнялся небольшой схемой, о которой я вычитал в журнале «Радио», после чего он мог работать и как приёмник. Я тут же спаял такую схему, подключил её к усилителю «Сонаты», и из динамиков магнитофона заиграла музыка. Я был рад этому безмерно, а папа настолько удивлён открывшимися способностями сына, что не стал наказывать за несанкционированную разборку абсолютно новой аппаратуры. Как известно, победителей не судят.

Слушали мы тогда наивную и безобидную советскую эстраду. Палад Бюльбюль-оглы, к примеру, был весьма популярен. «В мире много музыки, – думал я, – вот бы собрать ее всю», – безумная страсть собирательства снова разжигала пожар в моём сердце. С появлением «Сонаты» для меня открывался таинственный мир доселе неведомого зарубежного рока. И понеслась бесконечная череда катушек с записями английских и американских групп, которые мы, счастливые обладатели бытовых магнитофонов, переписывали друг у друга: «Битлз» и «Роллинг стоунз», Маккартни и «Кактус», Хендрикс и «Дорз»... Мы росли вместе с зарубежной музыкой. А ещё был Высоцкий с неожиданным голосом, не укладывающимся в советские стандарты пения, — не Лещенко и не Кобзон. И даже не «Весёлые ребята». Он выворачивал привычный мир наизнанку:

*Мне так бы хотелось, хотелось бы мне
Когда-нибудь, как-нибудь выйти из дому —
И вдруг оказаться вверху, в глубине,
Внутри и снаружи, — где все по-другому!..*

Отец не одобрял мои предпочтения, посмеивался над тем, что я слушаю, иногда даже ругался, когда громкость музыки начинала превышать порог допустимого. Маме было все равно, а бабушке безразлично, что, в принципе, одно и то же. Одобрял мой выбор один лишь братишка, и это нас невероятно сближало. Он, хотя и был совсем ещё маленьким, понимал, что вместе с «Сонатой» в наш санаторский мир врывается новая роковая эра. Странное дело, когда и я был совсем мал, то ни от кого не ждал помощи. Не было в ней необходимости. Возможно, потому, что и так был достаточно защищён, находясь в семье, в родном доме. Но чем старше я становился, тем чаще в ней нуждался – в помощи родных, друзей и абсолютно незнакомых людей. «Хелп!» – орали дружно битлы, – и во мне тоже потихоньку зрела острая необходимость кого-либо спасти, вызволить из беды, непременно помочь и сострадать.

Такая возможность выдалась очень скоро. Под влиянием Шаха, я всюду читал учебники по физике для старших классов и знал много тайн, связанных с электричеством. Я, например, понимал, что электроны, бегущие по проводам и несущие заряд, весьма коварны, неосторожного человека они могут наказать и даже убить. Однажды, когда мне было всего три года, мы с приятелем Андрейкой обнаружили прекрасное укромное местечко для наших детских

игр – большую трансформаторную будку, которую беспечные взрослые оставили незапертой. В ней было довольно просторно, для того чтобы разместить наши машинки и устроиться в ней самим, как в уютном домике. В общем, мы дружно веселились рядом с высоким напряжением, гудящим в мощных обмотках трансформатора, пока встревоженная нашим исчезновением бабушка не бросилась на поиски и не обнаружила нас. Электрический бог тогда сжалился над маленькими недоумками, возомнившими себя диэлектриками, и не выказал праведного гнева. Но бабушка была в шоке. И ещё долго приходила в себя и рассказывала потом, что ей пришлось пережить, услышав голос любимого внука, доносящийся из трансформаторной будки.

Фактически бабушка была моей спасительницей. А я, неблагодарный, приносил ей одни огорчения. Это было несправедливо по отношению к ней. Такое положение надо было немедленно исправить.

Если сильно хочешь кого-то спасти, то случай обязательно представится. Так и случилось. Во время каникул в мои обязанности входило разогревать чайник, перед тем как бабушка придёт на обед. С бытовым газом тогда были перебои, и приходилось пользоваться старой электрической плиткой. На таком устройстве чайник разогревался довольно-таки долго – минут двадцать, наверное, а то и больше. Однажды, ожидая бабушку на обед, я обратил внимание на то, что пружина накаливания включённой плитки, раскалённая докрасна, выгнулась и соприкасается с металлической поверхностью чайника. Но ведь по пружине идёт электрический ток! Если бабушка схватится за чайник, то её наверняка убьёт, а если первым до металлической ручки дотронусь я, то сам стану жертвой безжалостного потока электронов. Можно, конечно, плитку выключить. Но покинет ли чайник коварное электричество? Этого я не знал, и в учебнике физики ответа на, казалось бы, простой вопрос, увы, не было. Пока вода закипала, меня потихоньку охватывал ужас. Что делать? Допустить, чтобы любимая бабушка погибла, было нельзя. И тогда я решил: пусть лучше стукнет током меня. Выключив плитку, я долго смотрел на чайник, по моим представлениям, доверху заполненный электрическим зарядом, а потом, решившись, – будь что будет – схватился за его металлическую ручку. По жизни я был счастливым, повезло и на этот раз: электричество уступило моей отваге и ушло обратно в пружину, а я перенёс чайник на стол – в безопасное место. Он был чуть тёплым, и вода напрочь остыла к приходу бабушки. Она расстроилась и долго ругалась за то, что осталась без горячего чая. А я слушал её ворчание и молча улыбался: если победителей и не судят, то им порой здорово достаётся. «Если б она знала, какой опасности подвергалась! Один-то раз как-нибудь переживёт и без чая, – думал я. – Главное, что живой осталась». Бабушка так и не узнала о таинственном ангеле-хранителе, этот секрет я хранил долго и раскрываю его только сейчас.

Тогда же идея спасения захватила мой юный ум целиком и надолго. Мне грезилось, что Оля в депрессии стоит у раскрытого окна и хочет броситься вниз с самого высокого – четвёртого – этажа стройки, у неё истерика, и никто не может остановить её, лишь я один пробиваюсь сквозь испуганную толпу, протягиваю руку и говорю ей: «А ты читала „Над пропастью во ржи“?» Разве можно умереть, не прочитав Сэлинджера? И тогда она оборачивается ко мне, её ладонь ложится в мою, и мы уходим вместе. Куда, я так и не додумал, это не столь важно. Но уж, конечно, не в избу-читальню. На свете много других романтических мест.

* * *

Бабушка снова ушла на работу, а я включил «Сонату» на полную громкость и примостился на диване с томиком Лермонтова: Синие горы Кавказа... вы взлелеяли сердце моё... Ринго Старр барабанил на ударных – в его игре можно было уловить и выстрелы поджигала у водокачки, и взрывы бутылок на стройке, и даже ощущались запахи горелой серы и карбида. Битлы просили помощи, но я, слава Богу, ни слова не понимал по-английски, поэтому в моей голове складывались совершенно иные образы – высокие снежные горы и люди, пробивающиеся сквозь ледяную пургу к жилью, теплу и свету. Им сейчас трудно в пути, они рискуют заблуд-

диться и замёрзнуть, но это ничего, что трудно, я готов отдать им самую драгоценную вещь – светящийся в темноте компас, а с ним-то им наверняка не будет страшно: они обретут уверенность и получат новые силы для преодоления маршрута. Жаль, что битлы никогда не узнают, о чём они пели с катушки лампового мага в далёком от них санаторском посёлке.

Глава 6. Тюремщик

Честно говоря, с компаса-то всё и началось. Отец купил мне его для уроков географии, и я был счастлив. Ни у кого из мальчишек не было такой дорогой вещи. С компасом я никогда не расставался, и поэтому всегда точно знал, где север и где юг, где запад и восток. Даже ночью светящаяся фосфорная стрелка указывала точно на север и полярная звезда довольно подмигивала, совсем не догадываясь, что на самом-то деле меня давно уже тянет с милого севера в сторону южную – и тому виной индийские фильмы, просмотренные мной в последнюю неделю.

Учительница географии научила меня ходить по азимуту. «Азимут» – слово, так и оставшееся для меня загадочным, до конца не разгаданным, но, тем не менее, я по нему старательно ходил. По маршруту, конечно, а не по слову. Теперь, увы, всё не так: старый школьный компас с белым ободком куда-то запропастился, а сам я давно сбился с курса и, где оно, верное направление, давно не представляю вместе со всей обновлённой страной. Так и брожу по свету много лет, и бессмысленное плутание порядком поднадоело. Порой мне кажется, что нужно срочно раздобыть новый компас или, на худой конец, приобрести старый в антикварной лавке. В 73-м же году моя неосознанная тяга к путешествиям постепенно стала опредмечиваться и приобретать реальные образы. Именно тогда появился тюремщик.

Я не поленился заглянуть в словарь: в современном литературном языке «тюремщиком» называют надзирателя в тюрьме или того, по чьему распоряжению кто-нибудь отправлен в заключение. В моём детстве тюремщиком называли отсидевшего зэка. Один такой жил в соседнем доме и был старшим братом Рината. Он был молод и не менее Ипполита любил общаться с ребятнёй. Загибал нам байки про монотонную тюремную жизнь, части которой регламентированы и расставлены строго по отведённым местам, как цифры в таблицах Бродиса. Мне запомнилась история о том, как однажды во время ужина он обнаружил морковь в тарелке с баландой. Это было большой редкостью и небывалым везением. Казалось, ничего вкуснее он никогда не ел. Несколько дней ходил счастливым и рассказывал сокамерникам, как ему повезло. Понятно, что тюремщику безмерно завидовали. «Где растёт морковь? – спрашивал он нас и сам же отвечал: – В земле. А в земле, пацаны, – сила. Держитесь родной земли, и если вдруг выйдет отлучиться, оставляйте шанс вернуться. Смысл любого путешествия в возвращении и ни в чём ином. Если не верите, почитайте „Одиссею“ Гомера». Он был неплохим воспитателем, этот тюремщик. Не удивительно, что и я с самого детства люблю варёную морковь и могу съесть её в огромном количестве. Не удивительно, что и я из любого путешествия возвращаюсь домой, как бы хорошо ни было в чужих землях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.